

Пленные духи

Новая постановка «Волхонки» рассказывает Ирина Киселева

ЕЛЕНА ВИННИЧЕНКО

ЕЛЕНА ВИННИЧЕНКО

НА «ВОЛХОНКЕ» выпустили «Пленных духов» — спектакль-анекдот из жизни поэтов Серебряного века (а не про чеченских военнопленных, как можно ненароком вообразить). Спектакль поставили по пьесе екатеринбургских драматургов братьев Олега и Владимира Пресняковых. Честно признаться, на премьеру было идти страшновато. А все эта история с московским режиссером, который ставил спектакль с артистами «Волхонки». Ставил-ставил, а за пять дней до премьеры вдруг потребовал снять свое имя с афиши и нигде и никогда не упоминать, что имеет какое-либо отношение к этой постановке. Что такое там случилось и из-за чего произошел конфликт, в театре говорят неохотно. Вроде бы как режиссер хотел усилить линию гомоэротическую. Вроде бы как материал, то есть пьеса, и актеры тому сопротивлялись, и дальше линии исключительно трансвестической дело не шло. Так или иначе, в ткань спектакля, легко и вроде без пошлости, вписались только переодевания дворового юноши Сени в женские платья, дальше дело не пошло.

Теперь уж и неважно, что собственно на самом деле случилось между постановщиком и труппой, потому что «Пленным духам» суждено стать гвоздем репертуара. Спектаклем, на который будут ходить. Быть может, и не по разу, ибо здесь в кои-то веки счастливо сложились все составляющие — сильная пьеса (ну это и так было по-

«ПЛЕННЫМ ДУХАМ» СУЖДЕНО СТАТЬ ГВОЗДЕМ РЕПЕРТУАРА

нятно), изобретательная режиссура (пожалуй, зря все-таки режиссер снял имя с афиши), актерский ансамбль, и все прочие немаловажные моменты — музыка, свет, декорации. Кроме того, как в любом приличном произведении искусства здесь присутствует несколько планов и уровней — начиная с самого поверхностного — комедийной истории, и заканчивая экзистенциальными штуками, до которых еще не каждый захочет углубиться. И еще немаловажный момент — на «Волхонке» ведь не так давно закончили ремонт, и теперь, когда смотришь спектакль, не надо абстрагироваться от потрепанных стен и скрипучих стульев, можно просто смотреть.

«Пленные духи» — это один день из жизни подмосковных дачников. Дачники, впрочем, нельзя сказать, что простые. Это молодой впечатлительный поэт Саша — его играет дебютант «Волхонки» Даниил Наковник — и его мама (Татьяна Савинкова). Саша страдает онейрофобией (в спектакле смешно говорят ой!-нерофобией) — то есть боязнью снов, из-за чего не спит ночами и именно что по ночам пи-

шет стихи о Прекрасной Даме. Ради вдохновения заставляет дворового мальчика Сеню (артист Александр Тузиков — тоже дебютант) наряжаться в женское платье и прогуливаться по саду. Мама при этом сильно делает Саше нервы — она все норовит пересказать ему свой очередной сон, (а у него боязнь) и претендует считаться Прекрасной Дамой. Тут же выясняется, что в Шахматово должен приехать поэт Борис, пишущий стихи про кентавров и подписывающийся в альманахах псевдонимом Андрей (Александр Сергеев). Борис-Андрей тут же вскоре и приезжает, начинает галопировать как тот кентавр, поминать через слово поэта Валерия Яковлевича и интересоваться — а существует ли в действительности эта загадочная Прекрасная Дамка. Дескать, для поэтов-символистов очень важно, чтобы она все-таки существовала. Символистам это было бы очень на руку и, кстати, главный символист России Валерий Яковлевич в знак благодарности, раскрутил бы Сашу на всю страну. Саша, конечно, станет тушеваться, мямлить и бледнеть. И тут судьбу сына в свои

руки возьмет энергичная мама — на грани эксцентрики актриса Татьяна Савинкова. Мама отправится в соседнее Боблово, где живет бобылем известный ученый, химик Менделеев (Алексей Агапов) с дочкой Любовью Дмитриевной. У мамы будет очень четкий план.

Дебютант Даниил Наковник в какой-то момент реально становится похож на молодого Блока. У дебютантки Полины Дьячок (Любови Дмитриевны Менделеевой по пьесе) — такие же тени вокруг глаз, как у Веры Холодной в немых кинофильмах. Артист Сергеев, всегда казавшийся прирожденным трагиком, вдруг оказалось, что еще талантливейший комик — не просто смешит до колик, но и дает того самого трагизма — в очень точно отмеренных дозах, когда бездны тоски и отчаяния преподносятся как «пустяки, дело житейское». Еще хороши дворовые слуги — уже упомянутый Александр Тузиков (Сеня) и Иван Гудков (слуга Менделеевых Федор). Эпизод с танцующим Федором, который вдруг заговорил — неизбежно срывает аплодисменты. Опять же химик Менделеев (Алексей Агапов) — для многих станет открытием факт, популяризированный драматургами Пресняковыми — великий русский ученый зарабатывал на жизнь тем, что делал чемоданы — хорошие, кстати, кожаные чемоданы. И ни капельки этого не стеснялся.

«Волхонка» / в этом сезоне